

Метаметафора как фрактал Мироздания

О. А. Лавренова

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
olgavavr@mail.ru*

Аннотация. Метаметафора – понятие, развиваемое философом К. А. Кедровым (1942–2025) как одно из концептуальных основ многомерного Мироздания. Цель исследования – осмысление данного концепта в контексте теории метафоры и в историко-философской перспективе. В статье используется семиотический и сравнительно-исторический методы, а также метод интерпретирующего анализа. В качестве материала использованы стихи, манифесты и статьи К. А. Кедрова разных лет. Результаты исследования показывают, что метаметафора – это не только философский конструкт, но и глубокое эмоционально-духовное переживание автора, выраженное им в стихах и прозе. С одной стороны, этот конструкт продолжает раскрывать новые возможности структуралистской и постструктуралистской теории метафоры, с другой – выводит метафору на новый онтологический уровень: из сферы языка и культуры – в законы бытия Земли и Вселенной. Поэтическая воля позволяет философу быть творцом образов метаметафоры, философская стройность мысли помогает поэту концептуализировать принципы ее предсуществования, бытия и рефлексии.

Ключевые слова: метафора, метаметафора, К. А. Кедров, философия космизма, антропокосмизм

Для цитирования: Лавренова О. А. Метаметафора как фрактал Мироздания. Памяти философа и поэта К. А. Кедрова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 150–157.

Original article

Metametaphor as a Fractal of the Universe

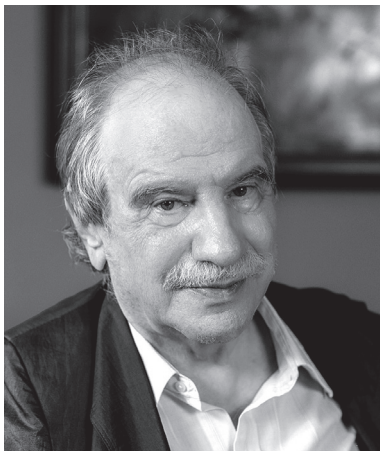
Olga A. Lavrenova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
olgavavr@mail.ru*

Abstract. Metametaphora is the concept developed by the philosopher K. A. Kedrov (1942–2025) as one of the conceptual foundations of the multidimensional Universe. The purpose of the research is to understand this concept in the context of the theory of metaphor and in a historical and philosophical perspective. The article uses semiotic, comparative historical methods, as well as the method of interpretive analysis. Poems, manifestos and articles by K. A. Kedrov from different years were used as the material. The results of the study show, that metametaphor is not only a philosophical construct, but also a deep emotional and spiritual experience of the author, expressed by him in poetry and prose. On the one hand, this construct continues to reveal new possibilities of the structuralist and post-structuralist theory of metaphor, and on the other hand, it takes metaphor to a new ontological level: from the sphere of language and culture to the laws of existence of the Earth and the universe. Poetic license allows the philosopher to be the creator of metaphor images, philosophical harmony of thought helps the poet to conceptualize the principles of its pre-existence, being and reflection.

Keywords: metaphor, metametaphora, K. A. Kedrov, cosmism, anthropocosmism

For citation: Lavrenova, O. A. (2025). Metametaphor as a fractal of the Universe. In memory of the philosopher and poet K. A. Kedrov. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(901), 150–157. (In Russ.)

*Небо – это глубина взгляда.
Взгляд – это глубина неба.
Человек – это изнанка неба.
Небо – это изнанка человека...*
К.А. Кедров

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 2025 года покинул этот мир поэт, философ и замечательный человек Константин Александрович Кедров (1942–2025). Его вклад в отечественную литературу трудно переоценить, но главное – из его поэтического творчества выкристаллизовалось новое философское понимание мира через метаметафору – «метафору в квадрате и метафору метафизическую». Префикс *мета-* (гр. *μετά* – между, после, через) в современных сложных образованиях по типу «метафизики» обычно означает *над* и *за* пределами изначального понятия.

Понятие метаметафоры, разработанное К.А. Кедровым, занимает особое место в современной философской мысли. Оно отражает стремление выйти за пределы традиционного понимания метафоры как двучленного тропа и представить ее как динамическую модель миропостижения, вбирающую в себя не только художественные, но и философские, научные, культурологические смыслы. В условиях возрастающего интереса к междисциплинарным подходам в гуманитарных науках исследование метаметафоры приобретает особую актуальность: она позволяет описать процессы трансформации художественного языка и мышления в контексте взаимодействия искусства, науки и философии.

Актуальность исследования заключается в том, что концепт метаметафоры остается относительно мало осмысленным в академической науке, хотя Кедров неоднократно обращался к его теоретическому обоснованию. При этом в литературоведческих и философских исследованиях XX века наблюдался серьезный интерес к расширенным формам метафорического мышления – например, в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона о концептуальной метафоре, в философии языка П. Рикёра, в теориях постмодернистского дискурса Ж. Деррида.

Рассмотрение метаметафоры в контексте этих теорий выявляет как ее родственные черты, так и уникальные особенности, что и обосновывает новизну работы: впервые предпринимается систематический анализ метаметафоры Кедрова в сопоставлении с современными теориями метафоры и метаязыка. Собственно работ, посвященных философии метаметафоры как уникального феномена литературно-философского мышления К. А. Кедрова очень мало, и все они затрагивают в основном именно литературный аспект, поэтому данная статья базируется на источниках, посвященных теории метафоры как гносеологического инструмента.

Основные задачи данного исследования:

- 1) выявить истоки и место концепции метаметафоры в теории метафоры с помощью сравнительно-типологического метода;
- 2) проанализировать ключевые тексты Кедрова, в которых формируется и развивается теория метаметафоры с помощью текстуального и герменевтического анализа и элементов дискурс-анализа;
- 3) показать место метаметафоры в современном культурном контексте, с помощью культурологического анализа и системного подхода.

Теоретическая база исследования опирается на работы самого Константина Кедрова («Поэтическое познание. Метакод. Метаметафора», 2004), исследования о природе метафоры (Рикёр, 1990; Lakoff, Johnson 1980; Кассирер, 1990 и др.), а также труды по когнитивной поэтике и литературной философии (Лотман, 1996). Такой междисциплинарный подход позволяет рассматривать метаметафору не только как художественный прием, но и как универсальную модель миропонимания.

Нами были проанализированы основные поэтические труды и манифесты К. А. Кедрова – «Поэтический космос» (1989), «Инсайдаут» (2001), «Энциклопедия метаметафоры» (2000), «Параллельные миры» (2001).

Концепция К. А. Кедрова, укорененная в поэтическом творчестве, дала новое дыхание философии русского космизма, утверждая единственность человека и Мироздания: «...то, что приходит свыше и соединяет поэта с небом в двуединое тело. Не человек и Космос, а космосочеловек»¹.

В метаметафоре образы не столько сопоставляются, сколько отражают рефлексию многомерных связей микро- и макрокосма. Во встречном движении смыслов соединяется материальное и духовное, рациональное и иррациональное, преодолеваются границы между субъектом и объектом.

Эта концепция генетически восходит к понятию метафоры, с одной стороны, с другой – к когнитивной теории метафоры и довольно прозрачным отсылкам к пространству, как источнику метафорической проекции, с третьей – обращает метафорическую проекцию вспять и утверждает метафору как один из основных законов бытия Мироздания и человека в их сущностном единстве.

ПОЧЕМУ МЕТАФОРА И МЕТАМЕТАФОРА?

Почему понятие метаметафоры, укорененное, собственно, в теории метафоры, стало центральным в философии К. А. Кедрова, которую, по сути, можно отнести к русскому космизму? Прежде всего метафоричность языка, умение создавать яркие и правильные (не случайные, а напряженные и порождающие новые смыслы) метафоры – одна из неотъемлемых черт современной высокой поэзии. Без этих напряженных ядер образо- и смыслообразования поэзия превращается в рифмованную прозу. И даже сам А. С. Пушкин обозначил «Евгения Онегина» как «роман в стихах», хотя для его времени «повествовательность» поэзии была еще языковой нормой.

Отметим, что термин «метаметафора» поэт и философ ввел в 1983 году, хотя использовал ее в своих поэтических текстах задолго до этого. Это было советское и позднесоветское время, когда творческих и интеллектуальных контактов с Западом не было. Но при этом именно в 1960–1980-е годы на Западе происходит процесс становления когнитивной теории метафоры, а в 1980 году выходит знаковая книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980]. До них о когнитивном потенциале

метафоры писал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет (1883–1955), говоря о том, что она обеспечивает доступ к тому, что смутно виднеется на дальних рубежах интеллектуального познания, дает возможность описать объекты высокой степени абстракции [Теория метафоры, 1990].

Мысль русского философа и поэта шла примерно параллельно с идеями известных структуралистов и постструктуралистов, и при всех смысловых консонансах формировала новую парадигму.

Изначально метафора (*гр.* *metaphora* – перенос) как феномен языка и культуры уходит корнями в античную древность и дальше – поскольку, если заглянуть, например, в ведические тексты, то можно увидеть использование метафор для самых сокровенных духовных понятий. К примеру, «океан огня» – для беспредельного изначально не проявленного пространства. Это показывает, что метафора издревле являлась средством выражения для невыразимого – через сопоставление с доступными для восприятия образами. Наиболее фундаментально ее теорию начали разрабатывать античные философы, и считается, что она восходит к Аристотелю, который определял метафору как риторический прием, опирающийся на принцип аналогии. По его мнению, основная задача этого приема – оказание максимального эмоционального воздействия на слушателя или читателя. Но надо отметить, что даже в этом, казалось бы, утилитарном определении заложен глубокий смысл – сопоставление образов порождает как минимум эмоциональный всплеск, а значит – воздействует на более глубокие слои сознания, чем интеллект [Аристотель, 2018].

Итальянский философ Джанбатиста Вико (1668–1744) также говорил об эмоциональном воздействии метафоры, полагая, что перенос с живого на неживое как бы оживляет косную натуру, наполняя ее страстью, и делая основой героического языка [Антипова, 2020]. Фр. Ницше (1844–1900) был одним из первых, кто выдвинул тезис об эстетической и метафорической природе познания.

Позднее теория метафоры развивалась в сторону понимания процессов смыслообразования и когнитивных процессов. В современной семиотике культуры понимание метафоры имеет три ипостаси – как знак, как образ и как когнитивная / концептуальная модель.

Образную и смысловую суть метафоры подчеркивал один из основателей современной семиотики Чарльз Пирс (1839–1914), относя ее к иконическим знакам из-за ее образности. В рамках его триадической модели знака (знак – объект – интерпретанта) метафора не просто замещает объект, но репрезентирует его через образное

¹Кедров К. А. Авангард XX века. URL: <https://proza.ru/2016/05/15/979?ysclid=mhnhvgj0wco424133879> (дата обращения: 10.04.2025).

подобие, тем самым порождая многочисленные интерпретации [Пирс, 2000].

Роман Якобсон (1896–1982) отмечал важность не только аналогии, но и смыслового контраста, и показывал роль метафор в процессе концептуализации и семиозиса, что чрезвычайно важно для бытия и постоянного обновления культуры. Смысловое напряжение внутри метафоры, сопоставление, казалось бы, несхожих вещей и явлений – это путь к расширению понимания их скрытых свойств и генерация их новых смыслов. Это путь поэтического творчества [Теория метафоры, 1990].

Важным этапом в становлении теории метафоры была гипотеза Эрнста Кассирера (1874–1945) о единственности генезиса языка и мифа, укорененных в процессе метафорического мышления. Перенос значения в процессе создания метафор сходен с процессом магического овладения вещью, ее освящения, сакрализации [Теория метафоры, 1990]. Намного позднее постструктуралист Ролан Барт (1915–1980) интерпретировал метафору как инструмент мифологизации [Барт, 1989]. А Ортега-и-Гассет дополнял эту идею мыслью о том, что метафора отчасти укоренена в духе табу (когда запретное нельзя произносить прямо) и служит не только постижению реальности, но и сокрытию некоторых ее аспектов [Ортега-и-Гассет, 1991].

Постулируемая связь метафоры и мифа открывает доступ к ретроспективе и пониманию архаического мышления, где название – магический ритуал овладения, а открывает перспективы нового творчества – поэтическому космизму К. А. Кедрова, где сопоставление в поэтических строках макро- и микрокосма символизирует их единственность. С другой стороны, сложность поэтических метафор выполняет роль своеобразных «покрывал Изида», дающих доступ к тайне смыслов только тому, кто готов.

Еще одно функциональное свойство метафоры в культуре – способность заново переписывать реальность – подметил один из ведущих представителей герменевтики Поль Рикёр (1913–2005). Значение метафорического выражения получается больше, чем составляющие его слова и образы, оно коренится в смысловой напряженности сопоставления этих образов [Теория метафоры, 1990].

Метафора как культурный код, программирующий семиозис и культурогенезис в пределах одной семиосферы, появляется в трудах Юрия Лотмана (1922–1993). Именно через метафору становится возможным перекодировка систем семиосферы во времена культурных «взрывов». Лотман рассматривал тексты как культурные коды и использовал префикс мета- в значении «о», и когда говорил о метатекстах, то имел в виду тексты о текстах и

тексты-коды [Лотман, 1996]. Собственно использование метафоры взрыва в описании теории культурных трансформаций показывает продуктивность таких приемов в построении научных исследований. Этот прием использовал также Жак Деррида (1930–2004) в своих философских работах.

К. А. Кедров, вслед за Ю. Лотманом, рассматривает метаметафору как метакод Мироздания, т. е. возводит этот же принцип в квадрат и переводит его на новый онтологический уровень.

Умберто Эко (1932–2014) подчеркивал нестабильность метафоры, ее зависимость от культурного контекста, причем не только на этапе создания, но и на этапе прочтения и использования [Еко, 1986]. Клод Леви-Стросс (1908–2009) говорил о ней как об изначальной форме восприятия глобальной значащей структуры, и о ее роли в формировании мифа и коллективного сознания [Леви-Стросс, 1999].

Конец XX века ознаменовался расцветом когнитивной теории метафоры. Современные исследователи продолжают расширять ее границы, рассматривая метафору как базовый механизм мышления. Ее основателями были уже упомянутые Лакофф и Джонсон, а также Эрл Маккормак. Последний писал, что существуют семантический и когнитивный уровни глубинных структур разума, при этом в основе семантического процесса лежит когнитивный, и метафора может быть отнесена к последнему, при этом она укоренена в культуре и языке от этапа генезиса до интерпретаций [MacCormac, 1985]. Сами же Лакофф и Джонсон предложили простую схему метафорической проекции, когда объект или явлений «цель» структурируется по принципу «источника», с которого и осуществляется перенос. Факонье и Тернер эту схему дополнили в своей теории блендинга (концептуальное смешивание), где описывали интеграцию разнородных доменов в новое смысловое пространство. Они утверждали, что прямого проецирования области-источника на область-цель не существует, поскольку в процессе генезиса метафоры рождается некое интегральное пространство, которое «переплавляет» свойства каждого из базовых пространств [Fauconnier, Turner, 2003].

Как мы видим, эволюция понятия метафоры отражает мощные сдвиги в понимании процесса создания смысла: от статичных моделей к динамическим моделям интерпретации и культурного взаимодействия. Метафора обладает коммуникативной функцией, связывая смыслы когнитивной функцией, помогая понять непонятное, и культурной функцией, предоставляя возможность множества интерпретаций в культуре.

И над этим всем великолепием теоретической мысли в основном XX века вдруг оказывается неучтенная концепция метаметафоры К. А. Кедрова, которая, с одной стороны, явно перекликается, по сути, с базовыми теориями, описывающими роль метафоры в процессе познания и в культуре, с другой – довольно сильно отстоит от них в смелости утверждать, что весь мир, а не только культура, имеет метафорическую природу и кодируется метаметафорой. Она коммуникативна в том смысле, что связывает человека с Мирозданием, когнитивна – помогает его понять, назвать, присвоить. Структура метаметафоры может быть горизонтальной – как глубинная связь между объектами (как в классической метафоре), но в основном – она «вертикальна» – она выводит в метафизическое измерение, где образы отражают универсальные законы бытия. Но при этом в структуре Мироздания «точкой сборки» оказывается наблюдатель: «Письменность метакода – это звездное небо, читаемое лишь при соединении с глазом, сердцем и мозгом. Без наблюдателя звездного неба не существует даже в виде кишящего звездами хаоса»¹.

НАБЛЮДАТЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ

Переживание

К. А. Кедров вспоминал потрясение, которое он испытал, познакомившись с гностическим апокрифом «Евангелие от Фомы», принадлежащим к корпусу текстов, найденных в Наг-Хаммади. «Евангелие от Фомы» «является собранием изречений Иисуса, которые он тайно говорил своим ученикам. Хотя часть речений известна нам из канонических евангелий, дальше этого родство не простирается» [Хосроев, 1991, с. 27].

Иисус сказал им: Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, – тогда вы войдете в [царствие]² (*Ев. от Фомы: 27*).

Кедров свидетельствовал: «Когда я это прочел в 1970-х годах, то был потрясен, потому что в 1960-м году я написал такие слова: “Я вышел

к себе через-навстречу-от и ушел под, воздвигая над”. То есть я ощутил это пространство, о котором идет речь в “Евангелии от Фомы”» [Кедров, 2004, с. 287]. Для философа и поэта первичным в его философских и творческих построениях оказалось экзистенциальное переживание, в котором он ощутил «выворачивание», «инсайд-аут»³ – вовнутрение внешнего пространства и распространение себя на всё Мироздание, «которое упраздняет понятия “внешнее” и “внутреннее”, заменяя их внешне-внутренним и внутренне-внешним миром»⁴. «Что происходит при выворачивании? Внутреннее и внешнее не исчезают, но как бы рокируются. Космос становится таким же реально ощущаемым, как ваше собственное тело, в нем исчезает расстояние. Вы же не чувствуете в теле расстояния между одной рукой и другой, между тазом и ступней, это единое целое. Вот таким единым целым ощущается весь Космос. В то же время нутро человека в метафизическом смысле обретает космическую бесконечность, образуя как бы двуединое тело Гомо космикос, которое приходит на смену Гомо сапиенс. Гомо сапиенс становится Гомо космикосом» [Кедров, 2004]. «Метаметафору можно назвать обратной перспективой в слове, с той разницей, что в обратной перспективе бесконечность объемлет человека, а в метаметафре еще и человек объемлет собою все мироздание»⁵.

Антропокосмизм

Вселенная есть человек, а человек есть вселенная – эту метаметафору можно считать базовой, к ней, как к своему источнику, восходят остальные ее производные [Темиршина, 2019].

В этом отношении философия Кедрова созвучна идеям русского космизма (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, П. В. Флоренский, А. Л. Чижевский, Н. К. Рерих и др.), который, несмотря на всю свою внутреннюю разнородность, полагал единство человека и Космоса. Причем К. Э. Циолковский, которого мы привыкли считать техническим гением и отцом космонавтики, всей душой рвался ввысь также по причине мощных духовных переживаний⁶. Еще более сакрально философское учение «Живая Этика», созданное Рерихами, показывающее взаимосвязь человека, его творчества, и творчества Космоса. Ученый естествоиспытатель В. Н. Вернадский также выявлял эту связь, причем через искусство и откровение: «Художественное творчество выявляет нам Космос, проходящий

¹URL: <https://proza.ru/2018/09/16/1011?ysclid=ma4bh0wqip297807107> (дата обращения: 10.04.2025).

²URL: <https://heretics.wapper.ru/library/noncanon/gnosis/thomas.htm> (дата обращения: 10.04.2025).

³Кедров К. А. Инсайдаут. М.: Мысль, 2001.

⁴Кедров К. А. Энциклопедия метаметафоры. М.: ДООС, 2000.

⁵URL: <https://stihi.ru/2022/05/26/121> (дата обращения: 15.04.2025).

⁶Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. М.: АСТ, 2000.

через сознание живого существа» [Вернадский, 1989, с. 81]. Теорию «всё во всём», о взаимопроникновении элементов мироздания, развивал и отец П. А. Флоренский, искавший откровения в духовном опыте Православия. «Флоренский создал свой неповторимый образ Вселенной. Здесь дух является причиной возникновения света, а мысль летит по Вселенной быстрее всех скоростей. Границы же нашего земного мира очерчивает радиус светового луча, пробега свой путь за одну секунду <...> Получается, что физически мы пребываем здесь в пределах скорости света, а мысленно проникаем во все измерения Мироздания; свернулось в клубок наше земное время, вмещающее прошлое, будущее, настоящее. Это есть реальная вечность»¹.

К. А. Кедров говорил, что метаметафора относится к метафоре как метафизика к физике, и можно добавить, что уместно сравнение и с квантовой физикой, ее нелокальностью, многомерностью реальности.

Метаметафора используется К. А. Кедровым и как философский метод. Она обеспечивает преодоление дуализмов, стирает границы между микрокосмом и макрокосмом, между «я» и «не-я», жизнью и смертью. Этот прием, когда человек рассматривается как часть бесконечной Вселенной, и как ее саморефлексия, можно обозначить как антропокосмизм. Пространственно-временной континуум в его представлениях становится хронотопом бессмертия – он «очень похож на вечность, где ничто не исчезает в потоке времен и само время опространствливается, становясь картиной, скульптурой или художественным текстом»², а время и пространство сливаются в «здесь и сейчас» именно благодаря метаметафоре, способной повернуть время вспять, а пространство – вывернуть наизнанку.

Резонанс

Идеи К. А. Кедрова имели широкий резонанс прежде всего в поэзии, они повлияли на поэтов-метареалистов (А. Парщикова, И. Жданова и др.). Идеологом метареализма стал известный ученый философ, филолог, культуролог, литературовед, литературный критик, лингвист, эссеист М. Н. Эпштейн.

Спустя лет тридцать после новационного и концептуального словотворчества К. А. Кедрова термин «метаметафора» лингвисты попытались опустить в языковую реальность, начав обозначать так «развернутые» или «расширенные» метафоры. «Под развернутой метафорой понимают многочленную структуру, представляющую собой единство составных

частей, каждая из которых является метафорическим образом» [Коринь, 2018]. Была даже разработана их классификация [Фатеева, 2000], которая затрагивала только язык, тексты и интертекстуальность.

Но даже в лингвистических исследованиях находилось место философской поэтике:

Метаметафора – это явление, иного порядка нежели метафора, хотя она и схожа с последней в своей иносказательной функции, в представлении объекта описания через код иносказания, по своим масштабам и природе она значительно превосходит метафору. Она подобна канве, скрытой от глаз структурообразующей ментальной первооснове, находящейся за текстом, сотканной при помощи многочисленных связей, скреплённой целым комплексом сложных отношений, скрывающихся в нитях слов и фраз, тайно живущих среди образов и ситуаций, прячущихся в узелках тропов и структур, составляющих различные элементы смысла. Она являет читателю архитектуру авторского мира. Она заигрывает с памятью того, к кому обращена, вызывает к его воображению, хороводит с его опытом, дразнит его интуицию. Она подобна калейдоскопу, заглянув в окуляр, которого, глазу предстаёт загадочный мозаичный рисунок, приглашающий фантазию и рассудок созерцателя к живому диалогу» [Богданенков, 2022, с. 409].

О философии К. А. Кедрова в контексте русского космизма и в корреляции с философией Рериха писала известный ученый-рериховед Л. В. Шапошникова, выделяя значение его идей соотнесенности человека и Космоса. Она же не раз подчеркивала, что именно искусство является наиболее эффективным средством познания духовной реальности, и в случае с концепциями метаметафоры и метакода мы видим, как предчувствие поэта стало точкой кристаллизации для философских построений [Шапошникова, 2004].

К. А. Кедрову удалось вплотную подойти к созданию универсальной формулы, о которой писал В. И. Вернадский: «Если бы мы когда-нибудь смогли логически разобрать художественные вдохновения гения или конструктивное созерцание и мистические экстазы религиозных и философских строителей или творческую интуицию ученого, мы, вероятно, смогли бы <...> выразить весь мир в одной математической формуле. Но эти области никогда не могли поддаться логическому выражению, войти целиком в рамки научного исследования, как никогда человек целиком не мог быть заменен простым автоматом»³.

¹Кедров К. А. Параллельные миры. М.: АиФ-Принт, 2001, С. 140.

²URL: <https://proza.ru/2012/07/12/627?ysclid=ma5kehm5ml253751356> (дата обращения: 10.04.2025).

³URL: <https://root.elima.ru/texts/?id=597#6> (дата обращения: 13.04.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В какой-то мере метаметафору К. А. Кедрова можно назвать фракталом Мироздания, поскольку фрактал – это множество, обладающее свойством самоподобия, хотя это будет обеднением изначального смысла, поскольку автор утверждал не подобие, а единую структуру Мироздания, что в общем то и позволяет человеку выйти на опыт «инсайд-аута», переживания единства. Это философская модель мира, где поэзия становится способом познания универсальных законов Бытия, и ее актуальность

растет в эпоху, когда человечество ищет новые парадигмы для осмысления себя и Космоса.

«Метаметафора – это евхаристический образ мира, обретение человеком своего вселенского тела, это реально переживаемое бессмертие здесь и сейчас»¹, – писал Константин Александрович Кедров. Он промыслил это при жизни. И после его ухода с земного плана, надо полагать, перед ним открылись новые горизонты познания.

¹URL: <https://proza.ru/2018/09/16/1011?ysclid=ma4bh0wqip297807107> (дата обращения: 12.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
2. Теория метафоры: сборник статей и глав из книг / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.
3. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: АСТ, 2018.
4. Антипова С. С. Поэтическая метафора как форма репрезентации российской культуры переходных эпох: дис. ... канд. филос. наук. Владивосток, 2020.
5. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Логические основания теории знаков: в 2 т. / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ : Алетейя, 2000.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
7. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Самосознание европейской культуры XX века. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Языки русской культуры, 1996.
9. Eco U. *Semiotics and the philosophy of language*. Bloomington: Indiana University Press, 1986.
10. Леви-Стросс К. Мифологии. В 4 т. М.: Университетская книга, 1999.
11. MacCormac E. R. A. *Cognitive Theory of Metaphor*. MIT Press, 1985.
12. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2003.
13. Хосроев А. Александрийское христианство по данным текстам из Наг-Хаммади. М.: Наука, 1991.
14. Кедров К. А. Поэтическое познание. Метакод. Метаметафора // Космическое мышление – новое мышление XXI века. Материалы международной научно-общественной конференции. 2004. С. 286–292. EDN OUPUIO.
15. Темиришина О. Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2019.
16. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989.
17. Коринь С. Н. Метаметафора в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 39–44. EDN YSZBQA.
18. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.
19. Богданенков А. С. Специфика употребления префикса мета в неологизме метаметафора // Мир детства в современном образовательном пространстве: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов. 2022. С. 408–409. EDN IOCMOC.
20. Шапошникова Л. В. Космическое мышление и новая система познания // Язык и Культура в Евразийском пространстве: Сб. статей XVII Международной конференции. Томск: Изд-во Томского Государственного университета, 2004. Т. 2. С. 633–659. EDN PCBELL.

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Arutyunova, N. D. (Ed.). (1990). *Teoriya metafor = Theory of metaphor*. Moscow: Progress. (in Russ.)
3. Aristotle. (2018). *Ritoika, Poetika = The rhetoric. Poetics*. Moscow: AST, 2018. (In Russ.)
4. Antipova, S. S. (2020). *Poeticheskaya metafora kak forma reprezentatsii rossiiskoi kul'tury perekhodnykh epokh = Poetic metaphor as a form of representation of the Russian culture of the Transitional epochs: PhD thesis in Philosophy*. Vladivostok. (In Russ.)

5. Pierce, CH. S. (2000). Nachala pragmatizma. Logicheskie osnovaniya teorii znakov = The Beginnings of pragmatism. Logical foundations of the theory of signs. In 2 vol. Saint Petersburg: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo fakul'teta SpbGU; Aleteiya. (In Russ.)
6. Barth, R. (1989). Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. = Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow: Progress, 1989. (In Russ.)
7. Ortega y Gasset, H. (1991). Degumanizatsiya iskusstva. Samosoznanie evropeiskoi kul'tury XX veka = The dehumanization of art. Self-awareness of European culture of the twentieth century. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury (In Russ.)
8. Lotman, YU. M. Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek. Tekst. Semiosfera. Istoriya. = Inside thinking worlds: Human. Text. The semiosphere. History. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. (In Russ.)
9. Eco, U. (1986). Semiotics and the philosophy of language. Bloomington: Indiana University Press.
10. Levi-Stross, K. (1999). Mifologiki = Mythologiques. Vol. 1–4. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
11. MacCormac, E. R. A. (1985). Cognitive Theory of Metaphor. MIT Press.
12. Fauconnier, G., Turner, M. (2003). The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books.
13. Khosroev, A. (1991). Aleksandriiskoe khristianstvo po dannym tekstam iz Nag-Khammadi = Alexandrian Christianity according to the text from Nag Hammadi. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Kedrov, K. A. (2004). Poetic cognition. The metacode. Metametaphora. Kosmicheskoe my'shlenie – novoe my'shlenie XXI veka. (pp. 286–292): proceedings of an international scientific conference. (In Russ.)
15. Temirshina, O. R. (2019). Tipologiya simvolizma: Andrei Belyi i sovremennaya poeziya = Typology of symbolism: Andrey Bely and modern poetry. Moscow: IMPE` im. A. S. Griboedova (In Russ.)
16. Vernadskii, V. I. (1989). Nachalo i vechnost' zhizni = The beginning and eternity of life. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.)
17. Korin', S. N. (2018). Metametafora v issledovaniyakh otechestvenny'x i zarubezhny'x lingvistov = Metametaphora in the research of Russian and foreign linguists. Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya (pp. 39–44): proceedings of an international scientific and practical conference. (In Russ.)
18. Fateeva, N. A. (2000). Kontrapunkt intertekstual'nosti ili intertekst v mire tekstov = The counterpoint of intertextuality or intertext in the world of texts. Moscow: Agar. (In Russ.)
19. Bogdanenkov, A. S. (2022). The specifics of the use of the prefix meta in the neologism metametaphora. Mir detstva v sovremenno obrazovatel'nom prostranstve (pp. 408–409): proceedings of an international scientific conference. (In Russ.)
20. Shaposhnikova, L. V. (2004). Cosmic thinking and a new system of cognition. Yazyk i Kul'tura v Evraziiskom prostranstve (pp. 633–659): proceedings of the VII International Conference (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавренова Ольга Александровна

кандидат географических наук,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrenova Olga Alexandrovna

PhD in Geography
Doctor of Philosophy (Dr. habil.)
Leading researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication